

Глава I. Две противоположных концепции Социальной Революции

Нашей основной задачей является определить и рассмотреть, по мере возможности, то, что в русской Революции остается *неизвестным* или *малоизвестным*.

Подчеркнем один момент, которому на Западе не придается большого значения или, скорее, рассматривается он весьма поверхностно.

Начиная с октября 1917 года русская Революция вступает в совершенно новую область: великой Социальной Революции. Она идет по особому, неведомому пути.

Отсюда следует, что развитие Революции приобретает новый, необычный характер.

(С этого момента наш рассказ будет отличаться от всего, что было написано выше. Сама тема диктует нам изменение его общей направленности, составных частей, самого языка повествования. Это не должно удивлять читателя.)

Перейдем к другому, менее известному аспекту, который для многих окажется неожиданным. Ранее мы, однако, уже затрагивали эту проблему.

В пору кризисов, предшествовавших октябрьской Революции 1917 года, *лишь большевизм предлагал как руководство к действию концепцию Социальной Революции*. Если не говорить о доктрине левых эсеров, по своему политическому, авторитарному, государственническому и централистскому характеру близкой к большевизму, а также о некоторых других подобных незначительных объединениях, *в революционных кругах и в среде трудящихся масс оформилась и распространилась другая фундаментальная и последовательная идея подлинной Социальной Революции: анархистская идея.*

Ее влияние, поначалу очень слабое, в ходе событий возрастало. В конце 1918 года оно достигло таких масштабов, что большевики, не допускавшие никакой критики — и, тем более, противоречий или оппозиции, — серьезно обеспокоились. *С 1919 до 1921 года им пришлось вести жестокую борьбу против этой идеи — не менее длительную и напряженную,*

чем борьба против реакции.

Здесь необходимо подчеркнуть еще один момент, не получивший достаточной известности: находившийся у власти большевизм боролся против анархистской и анархо-синдикалистской идеи и движения не в сфере идеологии, не честными и законными средствами — он использовал те же репрессивные методы, открытое насилие, что и в своей борьбе с силами реакции. В начале у либертарных организаций бесцеремонно отобрали штаб-квартиры, пропаганда и другая деятельность анархистов оказались под запретом. Большевики лишили народные массы возможности услышать голос анархистов, вызвали к ним недоверие. Но поскольку, несмотря на все запреты, идея продолжала завоевывать массы, большевики быстро перешли к более решительным действиям: арестам, объявлениям вне закона, смертной казни. Тогда *началась неравная борьба двух течений — одно стояло у власти, другое противостояло ей, — вылившаяся в некоторых регионах страны в настоящую гражданскую войну.* На Украине, в частности, эта война продлилась более двух лет и вынудила большевиков мобилизовать все силы для удушения анархистской идеи и подавления вдохновлявшегося ей народного движения.

Таким образом, *борьба между двумя концепциями Социальной Революции, между Властью большевиков и отдельными движениями трудящихся масс заняла очень важное место в событиях периода 1919–1921 гг.*

Однако по понятным причинам все авторы без исключения, от крайне правых до крайне левых — мы не говорим о либертарной литературе — *обходят этот факт молчанием.* Это обязывает нас рассмотреть его с максимальной точностью и обратить на него особое внимание читателя.

С другой стороны, возникают два вопроса:

1. Если накануне октябрьской Революции большевизм одобряло подавляющее большинство населения, то почему анархистские идеи столь быстро завоевали массы?
2. Какова была в точности позиция анархистов по отношению к большевикам и почему последние повели борьбу — и борьбу жестокую — против либертарной идеи и движения?

Ответ на эти вопросы во многом поможет нам показать читателю истинное лицо большевизма.

Сравнение обеих идей и обоих движений в действии позволит лучше узнать их, дать им справедливую оценку, понять причины войны между двумя лагерями и, наконец, «прощупать пульс» Революции после большевистского октябрьского переворота.

Сравним в общих чертах обе идеи.

Большевистская идея заключалась в том, чтобы на развалинах буржуазного государства построить *новое «рабочее государство», создать «рабоче-крестьянское правительство», установить «диктатуру пролетариата».*

Анархисты предлагали трансформировать экономические и социальные основы общества, *не прибегая к какому бы то ни было политическому государству, правительству, «диктатуре»*, то есть осуществить Революцию и решить поставленные ей проблемы не *политическими и государственными* средствами, а в процессе естественной и свободной экономической и социальной деятельности *объединений трудящихся*, свергнувших последнее капиталистическое правительство.

Для координации действий первая концепция предусматривала центральную политическую власть, организующую государственную жизнь при помощи правительства и его уполномоченных, а также формальных указаний «центра».

Другая концепция предполагала: безусловный отказ от политической и государственной организации; *прямые* договоренности и сотрудничество на *федералистской основе* между экономическими, социальными, техническими и другими объединениями (профсоюзами, кооперативами, разного рода ассоциациями и пр.) на местном, региональном, национальном и международном уровнях; то есть централизацию не *политическую и государственную*, исходящую от *полновластного* центрального правительства сверху вниз, а *экономическую и техническую*, идущую снизу вверх, учитывающую реальные потребности и интересы, установленную естественным и логичным путем в соответствии с конкретной необходимостью, без господства и власти.

Необходимо отметить, насколько абсурдным — или пристрастным — является обвинение анархистов в том, что они готовы «все разрушить», не имеют никакой «позитивной», созидательной программы, особенно если обвинение это исходит от «левых». Дискуссии между крайне левыми политическими партиями и анархистами всегда касались *позитивных и конструктивных задач* после разрушения буржуазного государства (с чем были согласны все). Каковы пути строительства нового общества: государственный, централистский и политический или же федералистский, аполитичный и социальный? Вот постоянная тема их споров: это неопровержимо доказывает, что анархистов всегда заботило главным образом *строительство* будущего общества.

Позиции партий: необходимости политического и централизованного «переходного» государства, анархисты противопоставляли свою: поступательный, *но немедленный* переход к подлинному экономическому и федеративному сообществу людей. Политические партии опираются на социальную структуру, проверенную столетиями существования политических режимов, и утверждают, что модель эта конструктивна. Анархисты считают, что строительство нового общества *с самого начала* должно вестись новыми способами, и *эти способы отстаивают*. Правы они или нет, но это свидетельствует, во всяком случае, о том, что они прекрасно знают, чего хотят, и имеют четкие конструктивные позиции.

Согласно расхожему ошибочному — или умышленно неточному — толкованию, либертарная концепция не предусматривает никакой организации. Это в корне неверно. Речь идет не об «организации» или ее отсутствии, а о *двух различных принципах организации*.

Всякая революция обязательно начинается более или менее стихийно, то есть неупорядоченно, хаотично. Само собой — и анархисты понимают это не хуже других, — что

если революция не выйдет за пределы этой первоначальной стадии, то потерпит поражение. После первого стихийного подъема в революцию, как и во все другие сферы человеческой деятельности, необходимо внести организационный принцип. И тогда возникает важный вопрос: каковы должны быть формы и основы этой организации?

Одни утверждают, что следует сформировать центральную руководящую группу — «элиту», — призванную управлять происходящим в соответствии со своими идеями, навязать их всему обществу, создать правительство и организовать государство, диктовать населению свою волю, силой устанавливать свои «законы», бороться против тех, кто с ней не согласен, до полного их уничтожения.

Другие считают, что подобная концепция абсурдна, противоречит основным тенденциям развития человечества и, в конечном итоге, абсолютно бесплодна, то есть гибельна для дела Революции. Разумеется, утверждают анархисты, общество должно быть организовано. Но эта новая, естественная и отныне возможная организация должна осуществляться в обществе свободно и, главное, снизу. Организационный принцип должен исходить не из заранее созданного центра, навязывающего свою волю всему обществу, а — отличие именно в этом — отовсюду и завершиться образованием координационных органов, естественных центров, призванных служить всему народу. Безусловно, необходимо участие в этом процессе способных организаторов — той же «элиты». Но повсюду и при любых обстоятельствах они должны быть свободными, полноправными *участниками общего дела*, а не *диктаторами*. Они призваны подавать пример и способствовать добровольному объединению, координации, организации граждан с их инициативами, знаниями, способностями и склонностями, не господствуя над ними, не подчиняя их себе и не угнетая. Такие люди стали бы подлинными организаторами, а их дело — подлинной организацией, плодотворной и основательной, ибо является естественной, гуманной, действительно прогрессивной. А другой способ «организации», *позаимствованный у прежнего общества угнетения и эксплуатации и предназначенный служить именно таким целям*, был бы бесплодным и неустойчивым, несоответствующим *новым задачам* и поэтому совершенно непрогрессивным. Действительно, в подобной организации нет ничего от нового общества; напротив, она довела бы до пароксизма все пороки общества прежнего, поскольку изменила бы лишь их личину. Принадлежа отжившему свое общественному устройству, а значит, невозможная в качестве основы естественного, свободного и подлинно человеческого общества, она сможет существовать лишь при помощи новых *уловок*, обмана, насилия, угнетения и эксплуатации. Что неизбежно извратит и погубит всю революцию. Очевидно, что подобная организация *в качестве движущей силы Социальной Революции* непродуктивна. Она никоим образом не может служить «переходному обществу» (как то утверждают «коммунисты»), ибо в подобном обществе должны иметься хотя бы *зародыши* того, во что ему предстоит эволюционировать; но в обществе авторитарном и этатистском нет ничего, кроме того, что оно позаимствовало у свергнутого предшественника.

Согласно либертарной точке зрения, *сами* трудящиеся массы посредством своих классовых организаций (заводских комитетов, промышленных и сельских профсоюзов, кооперативов и т. д.), централизованных на основе *принципа федерализма, в соответствии с реальными нуждами* должны на местах решать конструктивные задачи Революции. Свободно и сознательно, а значит, успешно и плодотворно должны они координировать свои усилия по

всей стране. Роль «элиты» анархисты видят *в помощи народным массам*: в их просвещении, обучении, необходимых советах; они призваны побуждать к тем или иным делам, подавать пример, поддерживать народ в его действиях, *но не руководить им на манер правительства*.

По мнению анархистов, удачное решение поставленных Социальной Революцией задач может быть лишь свободным и сознательным, коллективным и солидарным делом миллионов людей, гармонично учитывающим все разнообразие их потребностей и интересов, их идей, их сил и способностей, склонностей, знаний, умений и пр. Используя свои естественные экономические, технические и социальные организации, при помощи «элиты» и под защитой, в случае необходимости, своих свободно организованных вооруженных сил трудящиеся массы, как считают анархисты, будут реально двигать вперед Социальную Революцию и неуклонно реализовать на практике все ее задачи.

Взгляды большевиков диаметрально противоположны. По мнению большевиков, именно *элита* — их элита, — образовав правительство («рабочее», осуществляющее так называемую «диктатуру пролетариата»), должна проводить социальные преобразования и решать все проблемы. Массы призваны помогать этой элите (анархисты же, наоборот, считают, что элита должна помогать массам), верно, слепо, «механически» исполняя ее предначертания, решения, приказы и «законы». А вооруженная сила, подобие армий капиталистических стран, также должна слепо повиноваться «элите».

Таково было — и остается — основное различие двух концепций.

Обе эти идеи Социальной революции противостояли друг другу и во время потрясений в России в 1917 году.

Большевики, как мы говорили, не желали даже прислушаться к анархистам и тем более дать им возможность нести свои идеи в массы. Веря, что обладают абсолютной, бесспорной, «научной» истиной, считая, что должны немедленно обеспечить ее торжество, они повели борьбу и *силой* уничтожили либертарное движение, как только последнее начало привлекать к себе народные массы: обычная практика всех властителей, эксплуататоров и инквизиторов.

После октября 1917 года обе концепции вступили в острый и бескомпромиссный конфликт.

Четыре года этот конфликт держал в напряжении большевистскую власть, играя все более заметную роль в событиях Революции, пока либертарное движение не было окончательно подавлено вооруженной силой (конец 1921 года).

Мы уже говорили, что вопреки, или, вернее, по причине важности этого факта и его уроков, он тщательно замалчивался всей «политической» печатью.

Версия #1

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 5 апреля 2025 20:09:31

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 5 апреля 2025 20:11:09